

ВЕРА ХАРЧЕНКО

ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ЗАВ. КАФЕДРОЙ ФИЛОЛОГИИ БЕЛГОРОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Христианские мотивы в творчестве В. Распутина

В современной филологии наметилось небезынтересное направление исследований христианских мотивов в творчестве писателей, нет, не только религиозного толка, что ожидаемо (Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский), но и, что совсем неожиданно, — в творчестве писателей... советской эпохи.

Начало было положено тверской научной школой, возглавляемой Г.И. Богиным — автором этой замечательной идеи (не побоимся громких слов!) национального единства. Получается, Георгий Исаевич Богин ратовал за то, чтобы всё советское не противопоставлялось пост- и досоветскому, а чтобы выявлялась подспудная, скрытая общность семантик. Кончина учёного не позволила воплотить этот замысел, но идею подхватили коллеги, и в 2008 году состоялась защита диссертации Ольгой Владимировной Шахиной «Динамика перевыражения экзистенциальных евангельских смыслов в художественном тексте (на материале идеологически маркированных текстов А. Фадеева)» (научный руководитель — профессор Н.Ф. Крюкова). Это исследование, действительно, стало прорывной точкой, во многом обусловленной не только «неявной» актуальностью, но и общим для тверских лингвистов интересом к герменевтике текста, к проникновению в его «подземные», пульсирующие ценностные смыслы.

Пафос диссертации — в обнаружении евангельских смыслов в будто бы противоположных евангельской символике произведениях. Так, «неприемлемость смирения» у А.А. Фадеева переходит (перевыражается) в прямо противоположный смысл: «красота человека, способного к примирению с теми, кто его высмеивал и поносит («блаженны кроткие»)). Казалось бы, автор диссертации должен был сосредоточиться только на лексике, но здесь берутся и другие уровни языка, анализируются инверсии, ритмика, смысловая избыточность.

Расскажем вкратце ещё об одной работе. Совсем недавно, в декабре 2016 года, Ольгой Сергеевной Батовой в Волгограде была защищена диссертация «Проблематика и поэтика произведений Л. Пантелеева о детстве», посвящённая (несколько вопреки названию!) религиозному подтексту у писателя: архетипам блудного сына, небесного отца, теме раскаяния, соборного единения. «Выявленный нами библейский подтекст позволяет говорить о том, — пишет О.С. Батова, — что произведениям Л. Пантелеева близок мир данной притчи не только на основе метафоричности общих сюжетных мотивов, но и в силу присутствия религиозного подтекста в сознании писателя, что следует из его признания в автобиографическом произведении «Верую...».

Итак, пообещав названием статьи о Валентине Распутине, мы, однако, начинаем с двух других имён: с А. Фадеева и Л. Пантелеева. Увы и ах, научные исследования гуманитариев после защиты, как правило, пребывают в пыли забвения, социумом они будто и не востребованы. А ведь это неправильно, и не исключено, что задача филологов как раз состоит ещё и в том, чтобы чаще знакомить общество с многолетними наблюдениями своих коллег, тем более если эти исследования действительно эвристичны и тем более если они побуждают к продолжению поиска... Валентин Распутин, как и те авторы, о которых только что шла речь, творил в советский период нашей истории, хотя захватил и более позднее время: «Век живи — век люби», «Живи и помни», «Пожар».

Сюжет рассказа «Век живи — век люби», как и подобает рассказу, подчёркнуто прост: мальчик едет на поезде с односельчанами в тайгу «брать ягоды». В тайге наслаждается дикой природой, неиспорченной вмешательством человека, предвкушая возвращение домой с ведром голубики, но вот оказывается, что ягоды, с таким трудом собранные, придётся выбросить. Односельчанин не предупредил, что за ночь в железном ведре ягоды пустили сок и стали опасными для здоровья.

Христианский смысл: «Мне отмщение, и аз воздам» преподносится автором устами Митяя:

— *Теперь, дядечка Володечка, ходи и оглядывайся, — неожиданно спокойно сказал Митяй. — Такое гадство в тайгу нести... мало тебе посёлка?!*

— *Сядешь, — так же спокойно ответил дядя Володя. — Сидел и ещё сядешь.*

— *А я об тебя руки марать не буду, — уверенно и как дело решённое заявил Митяй. — На тебя первая же лесина сама свалится, первый же камень оборвётся. Вот увидишь. Они такие фокусы не любят... ой, не любят!*

Не Бог — тайга не простит. Такое вот внутреннее знание присутствия высших сил, ощущение наблюдающего ока, которое способно наградить, простить, но и наказать по пословице *Бог долго терпит, да больно бьёт*.

А перед глазами мальчика мелькают пережитые им картины чарующей таёжной природы, так замечательно выписанные В. Распутиным.

Теперь Саня знал, что это такое — кусты ломаются от ягоды: они действительно ломились, лежали от тяжести на земле или стояли согбенно, поддерживая друг друга в непосильной ноше.

Саня раздвигал кусты и замирал от раскрывшегося потревоженного густоплодия. Дымчатосиняя, сыто и резко подрагивающая сыпь ослепляла, вызывая и удивление, и восторг, и вину, и что-то ещё, чему Саня не знал имени и что западало в душу всё это вместе скрепляющим чувством — смутным и добротворным.

И это тоже урок: учись наслаждаться дарованным тебе сегодняшним днём, восхищайся миром, созданным Богом. *Век живи — век люби*. Кстати, изображение дикой природы не столь частый гость в художественной литературе, это, скорее, прерогатива книг о путешествиях и путешественниках, составляющих детское чтение и весьма слабо востребованных взрослым контингентом (из тех, кто вообще хоть что-либо читает).

Кстати, этот рассказ натолкнул нас на мысль об актуальности одного, пока не выделяемого направления в лингвистике. Вчитаемся в описание тайги.

Но когда выбрались они, наконец, из завала... за всё, за всё они были вознаграждены. Среди огромных валунов, заросших брусничником, важно и родовито, не имея нужды тянуться вверх, стояли — не стояли, а парили в воздухе — могучие и раскидистые сосны, как и должно им быть царственными и могучими в виду многих и многих немереных километров вольной земли. Здесь был предел, трон — дальше и внизу, волнисто вздымаясь к дымчатому горизонту и переливаясь то более светлыми, то более тёмными пятнами, словно бы соскальзывая и упираясь, широким распахом стояла в таинственном внимании державная поклонная тайга.

Описание дикой, первозданной природы, Божьего мира, не тронутого вмешательством человека, может стать отдельной зоной исследовательских усилий филологов в ту самую эпоху, когда сплошь и рядом постулируется торжество принципа антропоцентризма. Год 2017-й объявлен Годом экологии. С позиций лингвистики, несколько подуставшей от антропоцентризма, это может означать, во-первых, необходимость исследования описаний первозданной природы. Во-вторых, становится актуальным анализ языка описания природы, «освобождённой» от вмешательства человека: заброшенных деревьев, замороженных построек, заповедников, чернобильской зоны. Наконец, в-третьих, к этому же направлению примыкают и описания усилий человека по воссозданию природного богатства, например, в повести Антона Тихолоза «Старик, посадивший лес». Разумеется, так описывать тайгу, как в рассказе «Век живи — век люби», может только человек высокого строя души, хорошо чувствующий дерево, камень, траву, каким и был Валентин Распутин, почему подобные произведения и могут служить материалом для такого направления лингвистического поиска, как «минус-антропоцентризм».

В повести о трагедии дезертирства «Живи и помни» главной героиней становится жена Гуськова Настёна. Не гладко складывалась её семейная жизнь, но она остаётся верной и своему мужу, и своей судьбе. Чем не модель поведения, завещанная Татьяной Лариной?

Настёна никогда не оглядывалась назад, не жалела о сделанном, не спохватывалась, что где-то когда-то надо было повернуть не сюда, а туда. Жизнь не одёжка, её по десять раз не примеряют. Что есть — всё твоё, и отрекаться ни от чего, пускай и самого плохого, не годится. С Андреем Настёне выпадали тяжёлые дни, но даже и в мыслях она не переиначивала свою судьбу;

поправлять наперёд — поправляла, но по готовому не перекраивала и рядом с собой другого мужика не представляла. Тогда и из себя надо делать другого человека — как можно? Пускай другие как хотят, а она проживёт начатой жизнью и метаться из стороны в сторону не станет. Она дождётся своего счастья.

Здесь высвечивает христианский мотив (концепт) смирения, однако смирения не унылого, не вынужденного, но спокойного, высокого. Кстати, достоинство христианского поведения просматривается и в манере одеваться.

Потому и любила Настёна по вечерам, покончив с делами, пусть ненадолго, да переодеться в чистое, что невольно тогда являлось ощущением своей молодости и красоты, того капризного богатства, которое чем дальше прячешь, чем меньше помнишь, тем быстрее оно убывает. А переодевшись, Настёна и ступала осторожно, словно боясь в себе что-то повредить, и улыбалась ласковой и теплой, опять-таки словно оберегая какую-то свою, её одной касающуюся тайну, для которой ещё не наступило время.

Обратим внимание, как подробно комментирует писатель поведение Настёны и в оценке ею прожитой жизни, и в ощущениях от перемены одежды на чистую, едва ли не праздничную. В Библии, Евангелиях христианские установки даны предельно сжато и поясняются всего лишь притчами. Писатель же самым внимательным образом исследует этику христианского поведения женщины, притом что самих слов *церковь, библейские заповеди, православие* и тому подобных здесь нет.

Эмоциональная пружина повести — забота о муже, прячущемся в тайге, и вынужденная ложь окружающим, так больно бьющая по сердцу героини.

Поглядывать, как живут другие, но жить наособь, под секретом. Смотреть в оба глаза и говорить вполязыка. Работать вдвое больше и спать вдвое меньше. Хитрить, изворачиваться, врать и знать наперёд, чем это кончится.

Христианская заповедь: *Да прилепится к жене и будут они одно целое* получает освещение и в другой повести писателя «Пожар».

И вот Алёна его, неизвестно с какого времени, сошлась в одно целое. <...> Она, когда требовалось, добавляла или убавляла его характеру, находила в нём терпение и вела домой. В долгих рейсах у себя в машине он нередко разговаривал с ней, зная, чем она станет отвечать, и, поговорив, посоветовавшись, приходил к какому-нибудь решению. Опрятный и мягчительный тот мир, который был Алёной, с годами не только не выстыл, но ещё и пораздался в понимании и тепле. Мужик, в котором не звучит голос жены: погоди, Ваня или Стёпа, скоренько выпрастывается из жизни и, даже живя, ходит в ней как в малахае с чужого плеча.

Писательскую интерпретацию получают и слова из Нагорной проповеди: *Блаженны плачущие, ибо они утешатся* (Мф. 5:4).

Плохо мы слушаем свою душу, её лад печален оттого лишь, что нет ничего целебнее печали, нет ничего слаще её и сильнее, она вместе с терпением вскармливает в нас необыкновенную выносливость.

Не случайно в повести «Изба» говорится о женщине, воплотившей такое терпение: *Блезнь у неё была одна — насада, от других она выкредилась в кремень.* Очень точно образовано индивидуально-авторское слово: *выкредиться*. Нет, не *окрепнуть*, а именно *выкредиться*, то есть укрепиться надолго, навсегда, переработав болезни в крепость, неуязвимость.

Христианское отношение к вещам, даже к таким Большим Вещам, как дом, проступает в рассказе Валентина Распутина «Изба». Н.А. Бердяев писал, что человек к миру вещей должен относиться по-божески, они принадлежат не только ему. Это и воплощает героиня рассказа «Изба». А в повести «Прощание с Матёрой» домашний труд ассоциируется с предвкушением праздника:

Белить избу всегда считалось напраздником; белили на году два раза — после осенней приборки перед Покровом и после зимней топки на Пасху. Подготовив, подновив избу, выскоблив косарём до молочно-отстойной желтизны пол, принимались за стирню, за вареву и жареву...

За всё нарастающим обилием праздников, стимулирующих покупку подарков и деликатесов к столу, мы забываем о двухтактности любого настоящего праздника, о чём писала Татьяна Чередниченко. Празднику должна предшествовать аскеза, иначе он не будет восприниматься полноценно, полнокровно, полноформатно. Но и сам труд тоже праздник при любовном и качественном его исполнении, и такое отношение к труду тоже христианская заповедь.

Вчитываясь в повести и рассказы Валентина Распутина, невольно обращаешь внимание на талант использования афористики. Разумеется, это не те уверенные афоризмы, коих немало в соответствующих сборниках. Художественный текст диктует более мягкое изложение сентенций, более эмоциональное их звучание, при этом соблюдается механизм сфористичности, то есть внешняя парадоксальность утверждения.

Нет, родное скудным не бывает. Вина требует вины. Пропавшая душа ищет пропасть поглубже. Чтобы понимать друг друга, много слов не надо. Много надо — чтобы не понимать. ... Человек в слабостях своих на всю жизнь остаётся ребёнком.

Если у родителей один ребёнок, они, судя по всему, сами впадают в детство, продолжая играть с ним, как с куклой, до тех пор, пока он не откупится от них собственным родительским вкладом.

Афористичность может принимать форму риторических вопросов, и приём повтора усиливает воздействие финальных фраз повести («Пожар»):

Молчит земля. Что ты есть, молчаливая наша земля, доколе молчишь ты? И разве молчишь ты?

Иногда в повествование влетает целиком афористическая миниатюра:

Четыре подпорки у человека в жизни: дом с семьёй, работа, люди, с кем вместе правишь праздники и будни, и земля, на которой стоит твой дом. И все четыре одна важнее другой. Захрамает какая — весь свет в наклон.

То, что мы своим анализом вытаскиваем на поверхность рассказа ли, повести, хорошо скрыто писателем в контекстах. Литература — это тонкое, тончайшее воздействие текста на человека, читающего этот текст и создающего текст своей жизни, своей судьбы.

Христианские мотивы в глубине или на поверхности высокохудожественных текстов не спасают их создателей от боли и потрясений. О трагедии Александра Фадеева, окончившего жизнь самоубийством, читаем в повести Г.Е. Фукса «Двое в барабане». Валентину Распутину выпало пережить трагическую гибель дочери в авиакатастрофе. А ещё ранее и до конца дней эта острая боль за Россию, о чём говорил писатель на встрече со студентами и преподавателями Белгородского государственного университета.

Горько звучат слова писателя: «У нас это какая-то национальная болезнь — распри. Мы не можем жить дружно, мы не можем делать общее дело, а если делаем, то обязательно с какими-то скандалами, подозрениями и т. д.» (Новая газета, 2010, 3 ноября). Христианские мотивы, мерцающие в книгах писателя, как раз и призывают к истинной соборности, умению слышать другого.

Валентин Распутин стал классиком уже при жизни. Классический текст отличается от обычного тем, что каждое перечитывание открывает в нём новые глубины и ранее не замеченные «мелочи». Как сказал по телефону мой хороший знакомый, кандидат филологических наук Янис Манукян (СПб.), занимающийся проблематикой текстов Ф. Ницше и Л. Толстого, «текст, по существу, не имеет дна, он бездонен. И как его интерпретировать, — это всё уровень нашего интеллекта» (01.09.2016). Так что нам всем рано ставить точку в интерпретации творческих открытий Валентина Распутина.